

А. Цветков

из книги : "СВОРНИК ПЬЕС ДЛЯ ЖИЗНИ" и
"Искусственное дыхание".

Из книги "СВОРЧИК ПЬЕС ДЛЯ АЛЫШИ"

Х Х Х

Дремал на крышах облачный колосс.
Текли машины, не переставая.
Под тяжестью приплюснутых колес
Натуженно гудела мостовая.
Мороженщицы прятали вазки,
Пестрели лица темными очками,
И дворники носились взапуски
За пыльными газетными клочками.
Лептели вишни, засухой больны,
Пылали кроны в зареве карминном,
Но исподволь из влажной глубины
Накатывало мяты и жасмином.
Пора была и вправду нелегка,
Мила хара в бетоне и железе,
Но все цвело, и пчелы тяжелели,
Наощупь добираясь до летка.
Дышали вербы гарью заводской,
Томила пустота предгрозовая,
А мы с утра сидели над рекой,
Заботы городские забывая.
Товарищи тогдашние мои!
Их имена, поди теперь, упомни.
И запахи заржавленной хвои,
И солицепек, до тления упорный;
Тяжелый, ослепительный песок,
И тополя, осыпанные ватой,
И прямо над водой зеленоватой
Мостки из покосившихся досок.
А многое и вспомнить тяжело.

Слабеет свет, и память засыпает.
Кто виноват, что прошлое прошло,
А будущее все не наступает?
Осенним днем присядешь на кровать,
Скользнешь глазами по намокшим крышам,
И хочется рассказывать о бывшем,
О невозвратном вслух повествовать...

х х х

Выйди с вечера к ручью
В неутихшем гаме.
Землю теплую, ничью
Выстели шагами.
Песню тихую шепча,
Прислонись к осине,
Подсмотри полет грача
В предзакатной сини.
Светят в сетке камыша.
Городские зданья.
Как щемяще хороша
Свежесть увиданья!
Тонких рек живая ртуть,
Листьев тон звучащий.
Скоро птицам в дальний путь,
За моря и чащи.
Серебрятся облака
В проступивших звуздах,
Словно лужи молока,
Пролитого в воздух,
Провисают провода
На столбе высоком.
Скоро времени вода
Повернет к истокам.

х х х

Хорошо капитанам - их серое море спокойно.
Хорошо самолетам - тумана не видно с утра.
Острова журавлей шелестят в синеве колокольной,
И в прозрачной реке осязаем полет осетра.

На антенных заря, словно осени стяг порыжелый.
В жестяном коробке проезжает лихой инвалид.
Мне бы тысячу лет - и того не достанет, пожалуй,
Чтоб прожить эту жизнь как любовь человеку велит.

Кем я был до сих пор - оборванцем, крадущимся в темень.
Осторожным дождем надо мной шелестела листва.
А теперь небосвод, словно за ночь сколоченный терем,
Осипает со стен золотые следы волшебства.

Не печалься, река, - мы дождемся свидания в марте!
Исполняется день, молодым горизонтом майя.
Я пройду этот мир до последней щербинки на карте,
Потому что другого, наверное, нет у меня!

х х х

Я научился понимать
Печаль природы безъязыкой,
Ботинок с рубчатой резиной
Над муравьем приподнимать.

Я вызвал трав сезонный рост,
Повадки знаков Зодиака
И легкий ветер-задавака
Предстал мне азбучен и прост.

Я без ошибки узнаю
Все, что мало и насекомо.
Наружный мир, как аксиома,
Проник во внутренность мою.

Но в ней понятия не те,
И трезвый ум, исконный враг мой,
Как светлый нож под диафрагмой
В кровоточащей немоте.

И мы не скоро подберем,
Скользя по формулам полого,
Полсотни слов для диалога
Меж алгеброй и сентябрем.

х х х

И вновь, через годы, без боли и гнева,
Под северным небом нагим -
Прощай, моя участь, волшебница Єва,
Легко ли тебе за другим?
Ни слова упрека, ни слова протеста -
Так пасмурно было вдвоем.
И нет в моем сердце вакантного места,
И нет его в сердце твоем.

Прощай, моя робость, украдка ночная,
Грозы говорливой перун
В том ласковом мире, где, жизнь начиная,
Я песней срывался со струн,
Где бережный шепот ресниц и вязанья,
Кольце соколиных погонь,
Вечерних прогулок тропинка фазанья,
Зрачков обоядный огонь.

Без соли в глазах, золотая свобода,
Без риска оставаться одной -
Спасибо за свет с твоего небосвода,
За воздух в решетке грудной!
Мне впору твой профиль на облаке высечь,
Чтоб памяти проще жилось.
Спасибо за имя твое среди тысяч,
За цвет недоступных волос!

Прощай, моя вера! За синим Уралом
Закат растворил города.
И медленный год в этом воздухе алом
Лицо твое стер навсегда,
Чтоб новая жизнь занималась и крепла
На смену ушедшей сестре.
Прощай моя молодость, феникс из пепла,
Зеленая ветка в костре!

х х х

Проходит лето, шаг его негромок.
В сетях сиренизыбкий драматик аквилон.
Ливое сердце рвется из постромок,
Телегу лет толкая под уклон.

В щемящий час сирени, как вахтерже,
Вручая ключ от радости земной,
Вдруг ощущишь, что нет утраты горше,
Чем перевал, лежащий за спиной.

Прости мне соль, что к памяти налипла -
Второй судьбы веки не иметь.
Над всем столетьем вздрагивает хрипло
Зари заката духовая медь.

Быть может все, что в силах удержать я,
Влача в секрете по остовам лет -
Улыбка глаз, тепло рукопожатья,
И поцелуй выветренный след.

Из книги: "ИСКУССТВЕННОЕ ДЫХАНИЕ"

х х х

Надвигается вечер, стахановец в темном забое,
Исполняется время, судьбой запасенное в срок.
Прежде сумерек свет - остальное не стоит заботы,
Только б свету над нами гореть установленный срок.

Скоро спрячется мир под широкую лопасть прилива
/Наши нежные лица от прожитой жизни черны/.
В этот солнечный миг даже кровь в наших венах пуглива
и спидометры сердца дрожат у граничной черты.

Я прошу себе детство */а жизни уже половина/,*
Затянувшихся игр обращенные к небу дворы.
Успокойся, малыш, неудача твоя поправима,
Только б верхнему свету не гаснуть до смертной поры.

И покуда земля не сойдет с журавлиной орбиты,
И февральский закат не расколется, медно звения,
Надо бережно жить, Не тая ни вражды, ни обиды,
Как бывает во сне после долгого летнего дня.

Чтобы веру иметь и любовь находить непохожей
Хлопотливым народам и каждому на одного,
Нам от Бога нужна только звездочка пульса под кожей
И наверное свет, потому что темно без него.

х х х

Рассудок - это слишком резко,
Не обойдешься головой,
В ней много вычурного треска
Унылой спеси мозговой.

У нас в ходу ланцет и призма,
Но суть разъятая бедна.
Под черным камнем силлогизма
Вся истина погребена.

Быть может, гордая наука
Для лучшей жизни хороша,
Где царство тяжести и звука
И время длится не спеша.

А в нашем космосе отпетом,
Чей смысл сквозь вещи не пророс,
Ты сам стараися быть ответом
На свой незаданный вопрос.

х х х

Когда скворцов спасливая стая
Раскинется над нами чередой,
Материя нездешнего состава
Заговорит в коробке черепной.
С подобным соглядатаем извольте
Крутить мозги малаховской Изольде,
Анапестом тетрадку линовать
В сльшнике, где лето на излете,
И вскоре снег, и льда не миновать.

Один недуг - бессонница, цынга ли -
Агония сентябрьского тепла,
Когда деревья, дачные цыгане,
Выпрастивают темные тела.
Окончен праздник птичий и медвежий.
Уходит лето с толких побережий,
Как из ладоней трепетная ртуть.
И человек, как табор переезжий,

Внутри себя проклывает путь.

На даче снег, вороний скрип холодный,
Кирнуть в постель и отоспаться власты.
Но человек на зимний лов подледный
Заботливо отлаживает счастье.
Он сам придумал зимнее ужение,
Он видит жизни тайное движенье,
Под коркой льда набухшее зерно.
Он смысл земли, ее изображенье,
Творения последнее зерно.

х х х

Сотрутся детали рисунка
Побегами рек в январе.
Но сердце, как стельная сука,
Вернется к родной конуре.
Обрушатся кровли в Содоме,
Праща просвестит у щеки,
Но будут возиться в соломе
Любви золотые щенки.
И, выпрямив стебли тугие,
Из смертного крика толпы,
Вздойдут стебельки nostальгии,
Бе соляные столпы.

Отечество, миф о Дедале,
Архангелов тонкий помет!
Но если сотрутся детали -
Кто целому цену поймет?
Навеки без вящего смысла,
Как мухи у лицкого рта,
Названий халдейские числа:
Сучан, Колыма, Воркута...
Иштар на вершине пилона
Лицом затмевает луну.
Голодных детей Вавилона
Томят в юдейском плена.

Сотрется росистая балка,
Где плоть привыкала к труду.
Сотрется российская бабка
С клубникой в базарном ряду.
Забудутся клятвы и ссоры,
Измятый трамвайный билет.
Пройдут эшелонами соли
Тела обезглавленных лет.
Но пульс не сбьется с пунктира,
Покуда стоит Вавилон,
Покуда на стогах Путивля
Иштар раздирает нейлон.

КАМЕННАЯ БАЛЛАДА

Пока я по свету брошу, полуночью
От водки, в железном пылу обихода,
Как тысячи лет до меня Полифем,
Пока за околицей снит непогода,
И мы в луна-парках, безумно горды,
Досуг предаем соловьям и гвоздикам,
Планета о камне поет безъязыком
Шершавым размером моренной гряды.

Обрыв, на который еще малышиком
Я вышел в наследственном праве потомка,
Уходит во мрак, где торчат нагишом
Поющие скалы из пены потока.
Мы в рай обратили земной майорат,
Но нет нашей воли в кромешных глубинах,
Где долгие мили камней нелрбимых
О каменной жизни впотьмах говорят.

Я верю в упорство древесных корней,
Где высшая ставка на каждую почку,
Но как отыскать среди темных камней
Для бережной жизни надежную почву.

Их мертвый порядок с живым незнаком
От ваших теорий гранит не умнеет,
А смертное горло пролеть не умеет
Мелодию камня своим языком.

Мы женщин целуем у блеклых осин,
Отборной пшеницей поля засеваем,
Мы строим заводы, мы жжем керосин,
И ногти стрежем, и друзей забываем,
Мы племенные овцы, король на замке,
Не ведаем смысла закатного блика.
Планета дрожит от беззвучного крика,
А мы говорим на своем языке.

В осенних садах опадает листва,
Растут поколенья с упорством недружным,
Но смертное тело не знает родства
С плитой диорита, с базальтом наружным.
Беснуется магма в земном позвонке,
Алмазная месса звенит перед Богом,
Поющие камни идут по дорогам -
А мы говорим на своем языке.

х х х

Стеклянный воздух, месяц медный,
Осина горькая узлом -
Мой край коричневый и бедный,
Парящей осени излом,
Мне нет забвения давно в ней,
И тихой радости сыновней -
Авессалом, Авессалом!

х х х

Из хрупкой суэты, из иерного сумбура
Попоек, адресов, полуупрочтенных книг,
В осенней немоте, чарующе и хмуро,

Твой непонятный взгляд как обморок возник.
Мне к тысячам задач не подобрать решений,
Не хватит пауков распутать все узлы.
О, как мы, жизнь моя, порой несовершенны
В желанье добрых дел, не говоря о злых!
И все во мне течет без памяти и толку,
Так в солнечные дни нам сумерки видней.
Нет, я не властелин, я только пленник, Елка,
Своих убогих рифм, стреноженных коней...
Наверное, во мне подточена основа,
Наверное, болезнь в фундаменте самом.
Что было на земле естественнее слова?
Но сказанного в срок, но взятого с умом.
В часы мои впрыглась немыслимая кляча;
В меня стекает боль, надежды горький мед,
И сон, и та любовь, что судорожнее плача,
В ночи горячий лоб к стене прохладной жмет.
Пускай еще вчера она казалась позой -
Зачем вскипает кровь, зачем сверлит виски?
Кто погибает зря, кто погибает с пользой,
А судит всех любовь у гробовой доски.

х х х

Выхожу на сверкающий наст.
Колким инеем светятся губы.
Если слово меня не предаст,
То молчание точно погубит.
За стеклом шелестят фонари,
Ловят сумерки горькими ртами.
Говори, говори, говори -
До последней кровинки в гортани!
Тишина нестерпимо звонка,
И корю себя вслух, не смолкая,
За нелепую дрожь языка,
За обмолвку, случится такая.
Я ослеп, словно в полдень сова,
Ты вдали, хоть и кажешься рядом.

Не под силу мне втиснуть в слова
То, что прежде высказывал взглядом.
И не быть мне, как видно, другим -
Что-то лопнуло в тонких пружинках.
Только слово в зеленых прожилках
Все трепещет под ветром тугим.

х х х

Когда настигает, когда подбирается к горлу,
И в темную высь не поднять цепенеющих рук,
В горячем тумане, подобно латунному горну,
Ты слышишь - запела, надежда запела, мой друг!
Пускай она тщетна, и зов ее звонкий прерывает,
Пусть в ясных раскатах местами сквозит хрипота,
Ты вновь жеребенок, которому степи открылись,
И ласковый ветер струится в ложбинке хребта.

х х х

Серый коршун планировал к лесу.
Моросило, хлебам не назло.
Не везло в этот час Ахиллесу,
Совершенно ему не везло,
И копье, как помешанный дятел,
Избегало желанных пустот.
То ли силу былую утратил,
То ли Гектор попался не тот.

Не везло Ахиллесу, и точка.
Черной радуги меркли столпы.
И Терсит, эта винная бочка,
Ухмылялся ему изтолпы.
Тишина над судами летела,
Размывала печаль берега.
Все вернее усталого тела
Достигали удары врага.

Как по линкому прелому тесту,
Расползались удары меча.
Эта битва текла не по тексту,
Вдохновенный гекзаметр топча,
И печаль переполнила меру,
И по грудь клокотала тоска,
Агамемнон молился Гомеру,
"Илиаде" молились войска.

Я растягивать сказку не стану,
Исходя вдохновенной словной.
В это утро к ахейскому стану
Снихожденье стояло спиной.
Все едино - ни Спарты, ни Трои,
Раскололи кифару и плуг!
Мы - одни среди пролитой крови,
Мы одни - посмотрите вокруг!

х х х

В июльский полдень у колодца,
Где бревна бережно тверды,
Всем нетерпеньем уколоться
О край зазубренной воды.

Как Вечный юд в воротах рая,
Покинув сводчатый подвал,
Стоишь ты, воздух проверяя,
Лицом, незрячим наповал.

Твой век - донесенная книга.
Спасибо Главному Судье
За простоту земного мира,
Лучом звнящего в бадье!

х х х

На пригород падает ласковый сон,
Леланий прозрачная завязь.
Латунные листья звенят в унисон,
Луны напряженно касались.
По горло окутал щатый барах
Стекающий с крыши муаровый мрак.

Зацвинута память на прочный засов,
Спокойные мысли короче.
Все реже и реже огни голосов
Мигают в безмолвии ночи.
И, кажется, ветер неслышно зовет:
Останься на месте, усни без забот!

Занутались звезды в седом волокне,
И некуда вновь торопиться,
Чего же ты ищешь в погасшем окне,
Ночная пугливая птица?
Зачем ты с разлета ныряешь в стекло
И крыльями бьешь тяжело, тяжело?

Покой у порога, невидимый гость
Крадется по ставням и дверцам.
Но дух несогласия, яростный гвоздь
Таишь ты под яростным сердцем.
И светится в лужах ночная вода.
И сердце стучит: никогда, никогда!

х х х

На лавочке у парковой опушки,
Где мокнет мех в темистых уголках,
С утра сидят стеклянные старушки
С вязанием морщинистым в руках.
Их по душе их спорная работа,
Крылатых спиц стремительная вязь.

Я в этом сне разыскивал кого-то,
И вот на них гляжу, остановясь.
Одна клубок распутывает лихो,
Другая вяжет, всматриваясь в даль,
А третья, как заправская портниха,
Аршинных ножниц стискивает сталь.

Мгновение неслышно пролетело,
Дымок подернул времени жерло.
Но вдруг они на миг прервали дело
И на меня взглянули тяжело.
В пустых зрачках сквозила скорбь немая.
Квадраты лиц — более полотна.
И вспомнил я, еще не понимая,
Их греческие злые имена.
Они глядели сумеречно, сиясь
Помиловать, помедлить, изменить.
Но эта, третья, странно покосилась
И разрубила спутанную нить.

х х х

Когда вверху в небесных порах
Сочится звездная вода,
Молись о женщинах, которых
Тебе не встретить никогда!
О всех чужих и невоспетых,
Прошедших смертную кайму —
Они ушли, и даже свет их
Давно не светит никому.
Их бескровленные лица
Взяла кладбищенская грязь.
Им выпал хребт распылиться,
Ни в ком из нас не повторяясь.
Как убежденно мы стирали
Морщины с мозговой коры!
Но вдруг на жизненной спирали
В нас пробуждается мир.

Во мраке полночи похмельной,
Где тихо властвует сова,
Давно допетой колыбельной
Звучат угасшие слова:
"Усни, усни, мой мальчик дальний,
Отдайся дреме голубой!
Довольно сумрачных гаданий
О том, что сбудется с тобой.
Ты веришь зеркалу кривому,
А мир нацежен и хороший,
Оставь, оставь свою тревогу,
Живи, как есть!" И ты живешь,
Ты все молчишь, не понимая,
Каких глубин не береди,
Откуда исповедь немая
В твоей рождается груди.
И, разбивая сонный панцирь,
Как воплощенная судьба,
Любимых ласковые пальцы
Стирают сумерки со лба.

х х х

В перегретом мозгу не хватило диода,
Нерадивый механик проводку чинил.
И читают потомки дневник идиота
В самиздатовских списках, в подтеках чернил.

Не на том перекрестке поставил берлогу,
Не на те образа загляделся, творя.
И молись своему алкогольному богу,
Надломив эспадрон у его алтаря.

Не пора ли нам, братие, слово начать,
На минуту стаканы ладонью закрыва:
Отчего не везет ни в любви, ни в печати,
И в душе назревает кровавый нарвы?

Заблудился в расчетах упущеный минус,
Словно женское тело, бумага бела...
Я бы многое мог, если б в дверь не ломились,
Если б слову отдушина в сердце была.

Сколько воска сгорело за эти раздумья!
Сколько шрамов лежит на искрящем кремне!
По своей ли земле проложил борозду я?
Одноко и холодно, холодно мне!

Мы худы и рассудком от холода слабы,
Наша мысли с делами от холода врозь.
Дай мне, Господи Боже, любви или славы,
Исцели меня, корку голодному брось!

Но покуда в мозгу моем бесы пасутся,
Но покуда законы в сознании спят,
Никому, никому не предам безрассудства.
Утопивший надежду безумием свят.

Будет время - распиской свяжусь долговою.
Присмотрись: это свет вымирает в груди.
Только тверже перо приложи к договору,
Только крови глоток в каламарь нацеди.